

И УЛАГ КАК СВЯЩЕННОЕ МЕСТО: МЕМОРИАЛЬНЫЕ НАРРАТИВЫ О СВЯТОМ КЛЮЧЕ В ИСКИТИМЕ. Резюме

Джинмари Руей-Уиллоби

Искитим – мрачный индустриальный город с советской застройкой, расположенный в Западной Сибири, примерно в 50 километрах от Новосибирска – крупнейшего города в этой части России. Несмотря на довольно мрачное прошлое и несколько тусклое настоящее, сегодня Искитим связан с одной из важнейших святынь Западной Сибири. Здесь в помещении, где в советское время был магазин, располагается храм в честь иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный Источник», основанный в 2002 году. Здание меняло свою функцию постепенно: сначала, пока магазин еще работал, в распоряжении верующих были всего лишь небольшой неф и трапезная, сейчас же это настоящая церковь. С тех пор как все здание целиком отошло во владение Русской православной церкви, здесь появились и просторная комната для религиозного обучения и проведения церемоний, и кабинет священника, и даже еще более вместительный, чем вначале, зал для отправления служб. Церковь названа в честь родника, расположенного примерно в трех километрах от самого Искитима, в поселке Ложок.

В самом Ложке когда-то находился исправительно-трудовой лагерь особо строгого режима – Отдельный лагерный пункт № 4 Сиблага (ОЛП-4). Работал лагерный пункт «Ложок» с 1929 по 1956 год, на этой территории располагался карьер, в котором заключенные добывали известь, щебень и известняк длястроек по всей территории СССР. Таким образом, в силу своего расположения источник, который считается «живоносным», находится на «пересечении» самых разных аспектов местного прошлого – от советской лагерной системы до ориентации страны на индустриализацию и научные достижения, – воплощенных, соответственно, в Ложке, Искитиме и Академгородке (научно-исследовательском центре, который находится к востоку от Новосибирска, на полпути из Новосибирска в Искитим). Кроме того, родник связан с представлениями о религиозной вере и религиозных практиках, в том числе с сохранением веры в период официально насаждаемого атеизма, с возрождением русского православия в постсоветскую эпоху и, наконец, с народной религией, поскольку, судя по всему, изначально именно местные мирянки провозгласили этот источник святым. С 2004 года под руководством искитимского приходского священника Игоря Затолокина начались работы по созданию мемориально-религиозного комплекса на роднике; ядром его должен стать храм Новомучеников и исповедников российских.

Все интервью и рассказы об источнике, цитируемые в этой статье, были записаны либо в церкви в честь иконы «Живоносный Источник», либо возле самого Святого ключа в Искитиме в августе 2013 года. Особенно меня интересует история источника и представления о нем, в разное время бытовавшие среди местного населения. По этой причине первые структурированные интервью я проводила с самыми пожилыми из местных жителей, теми, кто помнит лагерь «Ложок» в годы его работы. Мои основные информанты – представительницы рабочего класса, родившиеся в 1920–1950-х годах, а также два местных священника. Таким образом, выводы, изложенные в данной статье, относятся именно к этой группе местного населения. Ввиду низкой продолжительности жизни российских мужчин моими собеседниками в этой возрастной группе были одни женщины. Я обращалась как к активным прихожанам храма, так и к посетителям источника, приехавшим туда в день, когда я проводила интервью. Из-за того, что интервью у источника были спонтанными, в ситуации, когда беседе часто мешали посторонние люди, ходившие туда-сюда по своим делам, мне не всегда удавалось получить у своих собеседников полную биографическую информацию. Каждое структурированное интервью продолжалось от 45 минут до часа.

Собранные мной нарративы о Святом ключе в Ложке – легенды и устные истории – в полной мере отражают антагонизмы между официально-догматическим и обывательским православием и советской историей и идеологией. Для создания своих нарративов, для построения с их помощью собственной идентичности и для переосмысления собственных воспоминаний о ГУЛАГе разные группы населения обращаются к разным аспектам этих легенд и историй. Опираясь на теорию о функциях фольклорного нарратива и на корпус исследований, посвященных воспоминаниям о травматических событиях и местах, где они произошли, я анализирую собранные мной в Ложке истории и легенды, пытаюсь показать, как они ломают упомянутые выше исторические и культурные события.

Как и любая другая легенда, история о Святом ключе бытует в нескольких вариантах. В соответствии с первым и наиболее распространенным вариантом сюжета в какой-то момент в период существования лагеря здесь, на этом самом месте, охрана лагеря казнила сорок представителей «черного» и «белого» духовенства, то есть монахов и священников. По одним версиям, их расстреляли, по другим – закопали живьем. Как свойственно фольклорным текстам, конкретная дата этого события не упоминается. Отец Игорь (Затолокин) не верит в достоверность этих рассказов, а святость места приписывает скорее тому, что именно тут страдали заключенные «Ложка». По его мнению, молитвы, в течение многих лет возносимые посетителями этого места во спасение душ лагерных заключенных, и привели к появлению чудотворного целительного источника. Противоречие между этой официальной церковной интерпретацией событий и видением мирян и составляет предмет моего анализа.

Исследователи памяти полагают, что травма требует «проговаривания». Поскольку в советскую эпоху большая часть истории ГУЛАГа замалчивалась, прошлое как бы «стиралось» из памяти, и таким образом возможности справиться с травматическими воспоминаниями не было ни на индивидуальном, ни на обществен-

ном уровне. Распад СССР позволил людям чуть ли не впервые в жизни вынести нанесенную ГУЛАГом травму на открытое обсуждение. Рассказ о былом позволяет повествователю пересмотреть прошлое и придать ему смысл, особенно когда дело касается травматических событий или пережитого насилия. Устное повествование, даже исторически достоверное, обычно складывается из устойчивых формул. В ответ на просьбу рассказать о прошлом Святого ключа и его связи с ГУЛАГом подавляющее большинство моих собеседников неизбежно обращалось к устоявшимся повествовательным клише, зачастую не имеющим отношения ни к лагерю, ни к источнику. Эти клише можно разбить на три основные категории: представления местных жителей об этом конкретном лагере, трудная юность рассказчика (тяготы которой связаны, как правило, с Великой Отечественной войной), жизнь набожной православной семьи в атеистическом государстве. Я быстро поняла, что эти темы тесно связаны с историей самого Святого ключа и составляют единое целое, при помощи которого рассказчики переосмысляют свою нарушенную войной жизнь и определяют себя как личность – и в советский период, и после него.

Говоря о лагере «Ложок», местные жители единодушно сходятся в том, что это был наихудший лагерь во всей системе ГУЛАГа. Между тем из документальных описаний «Ложка» понятно, что пребывание там было, несомненно, тяжелым испытанием, но нет оснований полагать, что «Ложок» был существенно хуже других исправительно-трудовых лагерей того времени. Примечательно, однако же, что местные жители неизменно характеризуют его именно таким образом. Похоже, на этой характеристике зиждятся две, на первый взгляд, взаимоисключающие, но широко распространенные интерпретации событий. Согласно одной из них, Бог выбрал это место для «установления» здесь Святого ключа как раз потому, что лагерь был столь ужасен. Иными словами, как самый худший лагерь во всей пенитенциарной системе, «Ложок» выступает метонимом всей системы ГУЛАГа и мучений, причиненных ею (системой) верующим. С точки зрения географии эта теория не лишена оснований, поскольку Новосибирск считается центром страны (в направлении с востока на запад и с севера на юг). Таким образом, расположенный здесь лагерь представляет собой географический центр обширной сети исправительных лагерей, простиравшейся по всей стране.

Вторая интерпретация тезиса о том, что «Ложок» является «образцовым примером» системы ГУЛАГа, работает на укрепление репутации региона. «Ложок» превратился в объект поклонения паломников со всей Западной Сибири и предмет гордости местного населения. В царскую эпоху Новосибирск (называвшийся тогда Новониколаевском) был всего лишь скромным городком, расположенным в географическом центре России: он приобрел известность только после того, как стал советским научно-исследовательским центром – а именно с 1950-х годов, когда по инициативе математика Михаила Лаврентьева были основаны Академгородок и Сибирское отделение Академии наук СССР, где развивались в первую очередь точные науки. Таким образом, слава Новосибирска связана прежде всего с советским периодом научного развития. В этом контексте появление родника, считающегося святым, в Новосибирске, а не в древних городах европейской части России, исконно связанных с русским православием, несколько неожиданно.

Дело в том, что сибирякам свойственно чувство собственной неполноценности по отношению к экономическим и политическим центрам, расположенным в центральной (не в географическом смысле) части страны. Поэтому то обстоятельство, что в отдаленном сибирском – «советском» – городе (расположенном в географическом центре России) находится важная религиозная святыня, помогает местным жителям занять более высокое положение в социокультурной иерархии.

Тема Великой Отечественной войны также часто фигурирует в рассказах о прошлом источника, и не в последнюю очередь потому, что многие нынешние жители региона переехали сюда и, следовательно, вынуждены были так или иначе связать свою жизнь с лагерем из-за войны. Немаловажным мне кажется и то, что ГУЛАГ и Великая Отечественная война – ключевые для сталинской эпохи темы, так что упоминание одной из них неизбежно влечет за собой воспоминания о другой. Опыт Великой Отечественной войны стал определяющим фактором для идентичности советского населения, причем как для тех, кто испытал войну лично, так и для последующих поколений. По этой причине публичному обсуждению прошлого, связанного с ГУЛАГом, мешает еще и позитивная оценка роли Иосифа Сталина как вождя нации, одержавшей победу во Второй мировой войне. Тем не менее, страдания, причиненные войной рассказчику лично или его предкам, составляют неотъемлемую часть осмысления событий как той эпохи в целом, так и конкретно в Ложке. Русское православие превозносит мытарства в земной жизни, считая их залогом спасения в жизни грядущей. Так положительно и отрицательно воспринимаемый опыт бурной сталинской эпохи работает на укрепление русской культурно-религиозной концепции страдания и терпения, предполагающего праведность и воздаяние.

Несмотря на все ужасы, лагерь «Ложок» предоставлял людям, перебравшимся в эти места в послевоенный период, возможность работать и зарабатывать средства к существованию. Двое из женщин, с которыми я разговаривала, работали на карьере: одна – еще во время существования лагеря; вторая – вскоре после его закрытия. По словам последней, приехала в Ложок она потому, что не могла найти работу по желаемой специальности на предприятии в городе, где училась. Поначалу ситуация здесь была не лучше, и она устроилась продавщицей в магазин, но вскоре узнала, что недавно закрытому лагерю требуются работники. На работу ее принимал бывший заключенный лагеря, который продолжал работать на том же карьере и был занят обслуживанием печи для обжига извести. Отец первой собеседницы погиб на фронте. Для нее работа на карьере была путем к спасению: она приехала сюда в 1948 году без документов и не могла устроиться на работу. У лагерной администрации отсутствие документов при найме на работу не вызвало вопросов, и это позволило ей не только заработать на жизнь себе, но и помочь матери и младшим братьям и сестрам. Эти две истории показывают, что возможности, появившиеся у многих моих информантов благодаря работе на карьере, в какой-то мере уравнивают в их глазах ужасы лагеря, – хотя то, что лагерь был страшным местом, признавали обе мои собеседницы. Таким образом, рассказы этих женщин позволяют нам взглянуть на лагерь с точки зрения жертв войны. Их способность пережить урон, нанесенный общественному порядку ре-

прессиями и войной, служит примером интерпретации культурной памяти советской эпохи об этом периоде и, в то же время, православного учения о страданиях как искуплении. Так же, как и народ в целом, эти две женщины сумели пережить невзгоды послевоенного времени. Невзирая на отчаянное положение, они смогли заново выстроить полноценную профессиональную и семейную жизнь.

Наконец, все представительницы старшего поколения, с которыми я говорила об источнике, особо подчеркивали тот факт, что выросли в глубоко религиозных семьях. Ни в коей мере не подвергая сомнению достоверность этих утверждений, мне хотелось бы все же заметить, что акцент именно на этом аспекте прошлого позволяет рассказчикам пересмотреть свою самоидентификацию (и самоидентификацию всей страны) в постсоциалистическом контексте. Я убеждена, что этот повторяющийся мотив (происхождение из религиозной семьи) способствует «христианизации» и советского прошлого России. То обстоятельство, что мои собеседницы подчеркивают в рассказе о себе именно эту сторону жизни, говорит о том, что для них самих важно, что они – верующие, и в то же время опровергает представление о стране в целом как атеистическом государстве. По этой логике получается, что раз среднестатистические граждане советской России продолжали верить в Бога и сохранять приверженность Русской православной церкви, то и весь народ можно считать православным, что бы там не декларировало государство.

Нарратив о представителях духовенства, мученичество которых положило начало легенде о появлении Святого ключа, – основа для переосмысления мирянами советского прошлого этих мест. Отец Игорь утверждает, что Ложок освящен молитвами, возносимыми здесь за души жертв ГУЛАГа вообще, а в рассказах информантов подчеркивается мотив мученичества священнослужителей. Это позволяет рассказчикам (и их слушателям) сосредоточить внимание на том единственном аспекте жизни в СССР, в негативном отношении к которому сходятся все опрошенные мной – религия в СССР подавлялась. В обывательском представлении о «Ложке» христианские мученики затмевают бесчисленное множество остальных жертв лагеря. Подобно самому Христу, эти жертвы от духовенства искупили своей смертью жестокое прошлое советской пенитенциарной системы и были вознаграждены за непоколебимую веру и перенесенные страдания. Таким образом, появление Святого ключа можно считать знаком свыше, служащим свидетельством того, что и сами страдальцы, и весь народ получил прощение за «участие» в системе (в какой бы форме оно не выражалось) и награду за стойкость перед лицом отчаянных испытаний. Кроме того, это понимание прошлого тесно связано и с представлением о советских гражданах как о народе, в действительности никогда не отрекавшемся от истинной веры.

И заключенным ГУЛАГа, и находящимся по другую сторону решетки, пострадавшим от Второй мировой войны, выпала одна и та же судьба: они были жертвами, а потому – и православными верующими. Собранные мной нарративы подчеркивают, что стойкость в обстановке послевоенного хаоса и возможность работать в лагерном карьере были основными факторами в создании полноценной жизни. Поэтому мои информанты, подобно многим другим представителям их поколения,

искренне разделяли ценности, выражением которых был СССР. Эти ценности осмыслились в контексте существования «нации-победителя», защитившей мир от фашизма и заново воссоздавшей мирное общество.

Разумеется, распад СССР пошатнул основы фундаментальных представлений этих женщин о себе как о гражданах советской России и как о жителях этого района Сибири. Распад страны означал, что борьба и связанные с ней страдания могли быть напрасными. Однако эти люди не могли совсем отказаться от привычных нарративов о прошлом и вытекающих из них советско-русских идентификаций. Вместо этого мои собеседницы приступили к переосмыслению прошлого путем рассказов о нем. Постсоциалистическое настоящее, в котором прошлое было переосмыслено в рамках религиозной морали, вобрало в себя прежнюю самоидентификацию этих людей и позволило им сохранить некоторые ее аспекты в рассказах о себе и своем прошлом.

Люди, с которыми я проводила интервью, впервые в жизни смогли (или считали необходимым) открыто поделиться своими воспоминаниями о ГУЛАГе. Тем самым они подвергли себя некоторому риску – ведь и их собственная роль в истории лагерной системы может вызвать осуждение. Смещение внимания на мотив гибели представителей духовенства в рассказах о Святом ключе позволяет паломникам и местным верующим перенести это осуждение на советское правительство, одновременно позиционируя себя самих как страдальцев за веру, чьи прегрешения искупаются появлением источника. Иными словами, эта интерпретация святости источника как бы защищает рассказчиков (и всю нацию) от обвинения в пособничестве режиму. Таким образом, такие нарративы и представления о Святом ключе позволяют местным жителям пережить и осмыслить все сложности российской истории советского периода и собственной роли в ней.

Перевод с английского Елены Леменёвой